Владимир Сорокин

Издательство аст
Москва

роман

Теллурия

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
C65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир.
Теллурия: роман / Владимир Сорокин. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 448 с.

ISBN 978-5-17-080466-5

Новый роман Владимира Сорокина — это взгляд на будущее Европы, которое, несмотря на разительные перемены в мире и устройстве человека, кажется очень понятным и ре-альным. Узнаваемое и неузнаваемое мирно соседствуют на ярком гобелене Нового сред-невековья, населенном псоглавцами и кентаврами, маленькими людьми и великанами,

крестоносцами и православными коммунистами. У бесконечно разных больших и малых народов, заново перетасованных и разделенных на княжества, ханства, республики и ко-ролевства, есть, как и в Средние века прошлого тысячелетия, одно общее — поиск абсо-люта, царства Божьего на земле. Только не к Царству пресвитера Иоанна обращены теперь взоры ищущих, а к Республике Теллурии, к ее залежам волшебного металла, который приносит счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-080466-5

© Владимир Сорокин, 2013
© А. Бондаренко, оформление, 2013
© ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

C65

5

· i ·

— Пора трясти стены кремлевские! — Зоран со-
средоточенно бродил под столом, тюкая кулачком по ладошке. — По-ра! Пор-ра!
Горан подпрыгнул, вскарабкался на лавку, сел
и стал привычно покачивать ножками в старень-

ких сапожках. Горбоносое, низколобое, окаймлен-ное ровной бородой лицо его излучало спокойную уверенность.
— Не трясти, а сокрушать, — произнес он. — И не сте-

ны, а головы гнилые.

— Как тыквы, как тык-вы! — Зоран ударил кулач-
ком по ножке стола.

— Сокрушим.
Горан доказательно вытянул руку, ткнув паль-цем в дымный смрад пакгауза. А там, словно по команде этого крошечного перста, двое больших, громоподобно ухнув утробами, сняли с пылающей печи стоведерный тигель расплавленного свинца

Владимир Сорокин · Теллурия

6

и понесли к опокам. Шаги их босых ножищ сотряс-ли пакгауз. На столе звякнул в подстаканнике пу-стой стакан человеческого размера.
Зоран стал неловко карабкаться на высокую лавку. Не прекращая болтать ногами, Горан помог ему. Зоран перелез с лавки на стол, выпрямился, по-дошел к краю и встал, вцепившись ручками в лац-каны своего короткого пальто. Узкие глазки его впе-рились в тигель, рыжеватые космы колыхались от доходящего сюда жара печи.
Большие поднесли тигель к опокам, наклони-ли. Свинец, шипя и гудя, хлынул в широкий же-лоб, подняв клубы серого дыма, от желоба сразу разбежались пронзительно-белые свинцовые ру-чейки, десятки, десятки ручейков — и заструи-лись, закапали в опоки. Полуголые, потные боль-шие в своих брезентовых фартуках плавно клони-
ли тигель.

Свинец тек и растекался, исчезая в земляного цвета опоках, тек и растекался. Зоран и Горан смо-трели: один — напряженно стоя на краю стола, дру-

гой — побалтывая ножками на лавке.Чудовищные мышцы на руках больших взбугрились и блестели от пота. Клубы дыма поднимались к дыре в потол-ке пакгауза. “На великое дело…” — подумал Зоран. “Мать сыра земля…” — вспомнил Горан.
Тигель все клонился и клонился. Казалось, это-му не будет конца. Глазки Зорана заслезились. Но он не моргал и не вытирал их.

·

Глава i ·

7

Наконец свинцовая лава иссякла. Большие
с грохотом опустили тигель на каменный пол. Зоран вытер глаза ладошками, Горан достал трубку, стал раскуривать.
— Молодцы, товарищи! — изо всех сил выкрик-
нул Зоран, силясь перекричать шум печи.
Но большие не услышали. Раздвигая своими огромными телами смрад наспех обустроенной плавильной, они двинулись в угол, взяли по ведру и стали жадно пить. Выпив ведра по три, они сня-ли фартуки, натянули на себя свои хламиды и по-дошли к столу. Фигуры их загородили плавильню. Тени больших упали на Зорана и Горана.
— Мо-лод-цы! — повторил Зоран, блестя довольны-ми глазками. Лицо его сияло даже в тени больших. Горан, попыхивая трубкой, влез на стол, криво-ного подошел, встал рядом.
Большие молча протянули к маленьким свои огромные ладони с коричневатыми наростами

мозолей. Горан достал из кармана куртки две сто-рублевых купюры и неспешно положил на каж-дую ладонь. Один большой сразу сжал сторублев-ку в кулаке и сунул кулак в карман. Другой под-нес купюру к лицу, сощурил и без того заплывшие
глаза.

— Хорошая? — произнесли его губищи.
— Хорошая, — усмехнулся Горан, обнажая проку-
ренные зубы.
— Самая что ни на есть хорошая, большой това-

Владимир Сорокин · Теллурия

8

рищ! — приободрил его Зоран. — Спасибо тебе от трудовой Москвы!
— Мы вас еще позовем, — пыхнул дымом Горан. Большой крякнул, убрал сторублевку. И снова протянул ладонь. Зоран и Горан уставились на нее. Большие смотрели на маленьких. Ладонь большо-го напомнила Зорану Россию, не так давно еще про-стиравшуюся от Смоленска до самых Уральских гор. Эту страну московит Зоран видел только на изобра-жениях. Большой словно дразнил его.
“Россию в кармане носит?” — мелькнуло в голо-ве Зорана. “Тролли залупить решили”, — подумал Горан.
Прошло несколько мучительных секунд. Ры-жие брови Зорана стали вызывающе изгибаться, ру-ка Горана потянулась к карману. Но вдруг большие, озорно крякнув, размахнулись и хлопнули друг дру-га по ладоням.

Звук был оглушающ для маленьких.
Маленькие вздрогнули.
Большие рассмеялись. Смех их загрохотал в го-фристой крыше пакгауза.
— Шутка? — вскинул брови Зоран.
— Шутка… — угрюмо кивнул Горан.
Большие развернулись и зашагали к двери. По-дошли. Согнулись. На карачках по очереди пролез-ли в дверь. Дверь захлопнулась.
— Шутники, а? Хорошие ребята! — Зоран возбу-жденно заходил по столу, хватаясь за лацканы.

·

Глава i ·

9

— Хорошие… — процедил Горан и вытянул из кар-мана куртки дорогой молниевый разрядник. — Я уж думал их подзарядить…

Он сплюнул. Рассмеялся, пройдясь своей криво-ногой, словно готовящей к древнему танцу, поход-кой. И вдруг резко пнул одиноко стоящий стакан че-ловеческого размера. Тот слетел со стола, теряя под-стаканник, звякнул по лавке, рассыпался осколками.

— Пойдем, пойдем, глянем! — засуетился Зоран,
полез вниз.

— Еще горячие. Путь остынут.
— Глянем, глянем, пока люди не пришли!
Они слезли на пол, подошли к опокам. Их было двадцать. Горану они напомнили старую капитали-стическую фильму про инопланетных чудовищ, от-кладывающих такие вот землистые яйца-коконы. Из этих яиц потом вылуплялись какие-то неприят-ные твари.

Зоран подбежал к ящику с инструментом, схва-тился было за кувалду, но не смог ее даже сдвинуть с места. Нашел молоток, поднял над головой как знамя, побежал к опокам.
— Р-раз! — с разбега он ударил по опоке. Отлетели кусочки.
— Р-раз! Два! Три! — Зоран бил яростно, настойчи-во, как в последний раз.
“Вот так он и выступает…” — сумрачно подумал Горан, выбил трубку об опоку, стал ковырять в ней пустым теллуровым гвоздем, вычищая.

Владимир Сорокин · Теллурия

10

Зоран, быстро уставший, протянул ему моло-ток. Горан спрятал трубку и стал бить по опоке —
неспешно и сильно.

С шестого удара опока треснула, посыпалась. Внутри сверкнуло литье. Маленькие принялись но-гами крушить опоку. Новое, исходящее паром литье с лязгом вывалилось на пол: четыре десятка касте-

тов. Горан вытянул из ящика железный прут, подце-пил горячий, дымящийся кастет, поднял.
— Прек-расно! — сощурился Зоран. — Народное оружие! Пра-виль-ное!
Он протянул свою ручку, растопырил пальцы, примеряясь. Кастет был предназначен для средне-го класса, то есть для обыкновенных людей. Боль-шому, отлившему эти кастеты, он стал бы перстнем на мизинце, маленькому, оплатившему эту отливку,

кастет не пришелся бы впору даже на ногу.
— Восемьсот, — напомнил Горан.
— Это восемьсот сокрушителей! Это сила!
— Восемьсот героев, — серьезно кивнул Горан.
— Восемьсот мертвых упырей! — потрясал кулач-ками Зоран.
В кармане у Горана запищала умница. Отбро-сив прут с кастетом, он достал ее, растянул перед со-

бой привычно резким движением, словно гармонь. В полупрозрачной умнице возникла голова средне-
векового витязя.

— Большие ушли, клопсов нет, — доложил рыцарь. — Люди? — спросил Горан.

·

Глава i ·

— Здесь.
— Пятерками.
— Понял.

Горан убрал умницу. Зоран, вцепившись в свое пальто, нетерпеливо заходил вокруг пустого тигля.

Горан достал трубку, подпрыгнул, сел на опоку.
“И жопу погреет…” — подумал он и, набивая трубку, спросил:
— Вторую отливку… когда?
— Накануне! — Зоран шлепнул ладошкой по тиге-лю. — На-ка-нуне!
— Вождю виднее, — кивнул Горан.
Через двадцать три минуты в дверь без стука во-шли пятеро людей пролетарского вида с сумками и рюкзаками.

12

· ii ·

My sweet, most venerable boy,
вот я и в Московии. Все произошло быстрее и про-ще обычного. Впрочем, говорят, въехать в это госу-дарство гораздо легче, чем выехать из него. В этом, так сказать, метафизика этого места. Но к черту! Мне надоело жить слухами и догадками. Мы, ради-кальные европейцы, предвзяты и насторожены к экзотическим странам лишь до момента проник-

новения. Проще говоря — до интимной близости. Которая у меня уже произошла. Поздравь старого тапира! Да. Прелестный шестнадцатилетний moskovit сегодня ночью стал теми самыми узкими вратами, через которые я вошел в местную метафи-зику. После этой ночи я многое узнал о московской этике и эстетике. Все вполне цивильно, хоть и не без дичи: парень, например, перед нашей бли-зостью завесил полотенцами оба зеркала в моем но-мере, погасил свет и затеплил свечку. Которую при-

·

Глава ii ·

13

нес с собой. Я же (не сердись) позволил подкрепить свои усилия теллуром. А утром услышал (и подсмо-трел), как прелестный Fedenka продолжительно мо-лился в ванной комнате, стоя на коленях перед ма-ленькой раскладной иконкой, отлитой из меди (skladen), которую он водрузил в углу душевой каби-ны на полочку вместо шампуня. Это было трога-тельно до такой степени, что, наблюдая в щель это-го коленопреклоненного Адониса, одетого в одни лишь клетчатые трусики, я неожиданно возжелал.

Что случается со мной по утрам, как ты хорошо зна-ешь, крайне редко! Не дождавшись окончания мо-литвы, я вломился в ванную, обнажил престол мо-его наложника и проник в его глубины своим тре-бовательным языком, вызвав удивленный возглас. Дальнейшее представимо… Скажу тебе вполне ис-кренне, мой друг, это прекрасно, когда день начи-нается с молитвы. Такие дни почти всегда удаются и запечатлеваются в памяти. И мой первый день в Московском государстве не стал исключением. Расплатившись с кареглазым Fedenka (3 рубля за ночь + 1 рубль за утро = 42 фунта), я довольно сносно позавтракал в моем недорогом отеле

Slavyanka (чай из samovar, sirniki со сметаной, kisel, булки, мед) и отправился на прогулку. Погода уда-лась — ясно, солнечно, свежо. В столице Московии стоит ядреный октябрь, на немногочисленных де-ревьях еще желтеют листья. Ты знаешь, я не люби-тель достопримечательностей как таковых и нико-

Владимир Сорокин · Теллурия

14

гда не был туристом. Твой друг любит все пробо-вать на язык (не хмыкай, циник!), не доверяя вкусу толпы. На первый вкус Москва мне не очень понра-вилась: сочетание приторности, нечистоплотности, технологичности, идеологичности (коммунизм + православие) и провинциальной затхлости. Город кишит рекламой, машинами, лошадями и нищими. Если говорить гастрономически, Москва — это okroshka. Особая тема — воздух. В Москве на газе и электричестве ездят только государственные му-

жи и богатеи. Простой народ и общественный транспорт обходится биологическим топливом. В основном это картофельная пульпа, благо карто-фелем со времен Екатерины II Московия не обедне-ла. Собственно, этот картофельный выхлоп и сооб-щает тамошнему воздуху приторно-затхлый при-вкус, распространяющийся на все вокруг. И когда пробуешь на язык главные московские блюда — Кремль, Большой театр, собор Василия Блаженного, Царь-пушку, — этот не очень, скажем, аппетитный соус портит картину и оставляет неаппетитное по-

слевкусие. Но, повторяю, это только в первый день. На второй я уже привык, как привык к вони Каира, Мадраса, Венеции, Нью-Йорка, Бухареста. Увы, дело не в запахе. Просто Москва — странный город. Да, странный город со своей неповторимой странно-стью. И меньше всего его хочется назвать столицей. Это трудно объяснить тебе, никогда здесь не бывав-шему и вполне равнодушному к местной истории.

·

Глава ii ·

15

Но я все-таки попытаюсь, благо сейчас у меня еще полтора часа до приезда картофельного такси, должного увезти меня в аэропорт Внуково. Итак, смысла нет рыться в дореволюционной истории Российской империи, являвшей миру азиатско-ви-зантийскую деспотию в сочетании с неприлично безразмерной колониальной географией, суровым климатом и покорным населением, большая часть которого вела рабский образ жизни. Гораздо инте-реснее век двадцатый, начавшийся с мировой вой-ны, во время которой монархический колосс Рос-

сия зашатался, затем вполне естественно накатила

буржуазная революция, после чего он стал валиться навзничь. Вернее — она. Россия — женского рода. Имперское сердце ее остановилось. Если бы она, эта прекрасно-беспощадная великанша в алмазной диадеме и снежной мантии, благополучно рухнула в феврале 1917-го и развалилась на несколько госу-дарств человеческого размера, все оказалось бы вполне в духе новейшей истории, а народы, удер-живаемые царской властью, обрели бы наконец свою постимперскую национальную идентичность

и зажили свободно. Но все пошло по-другому. Вели-канше не дала упасть партия большевиков, компен-сирующая свою малочисленность звериной хват-кой и неистощимой социальной активностью. Со-вершив ночной переворот в Санкт-Петербурге, они подхватили падающий труп империи у самой зем-ли. Я так и вижу Ленина и Троцкого в виде малень-